

для опознания должно быть осуществлено в справедливых условиях и быть подкреплено другими доказательствами, чтобы установить вину подозреваемого (обвиняемого) без сомнений.

Идентификация личности подозреваемого, свидетеля или потерпевшего является важным элементом для установления обстоятельств преступления. В этом случае используются разные методы опознания, например личное узнавание, видеоопознание, графологическая экспертиза и др. Кроме того, судьи и следователи могут запрашивать различные документы у подозреваемых и свидетелей для убедительности их показаний, необходимых для расследования. В целом предъявление для опознания играет большую роль в расследовании преступления и является необходимой составляющей в работе правоохранительных органов.

Идентификация личности должна проводиться без нарушения конституционных прав и свобод граждан, без применения насилия, пыток, угроз, введения в заблуждение или иных запрещенных методов.

На наш взгляд, объективная реальность указывает на необходимость изменения норм уголовно-процессуального закона, регламентирующего возможность применения видеоматериалов

при проведении опознаний. В современном мире, в век развития видеотехнологий, когда практически в каждом дворе жилого дома, гаражного кооператива, не говоря уже о торговых площадях, в режиме реального времени ведется видеозапись, органам предварительного расследования просто нельзя отказываться от такого объекта исследования. Поэтому мы считаем, что возможности видеотехнологий необходимо внедрять в практику ведения расследования. Видеозапись, наряду с фотографией, займет достойное место среди объектов предъявления для опознания, т.к. уже зарекомендовала себя как один из способов получения беспристрастного отображения реальности. Более того, видеозапись сегодня является единственным средством, позволяющим зафиксировать признаки динамических элементов внешнего облика человека [1, с. 76]. Внесение изменений в ст. 193 УПК РФ «Предъявление для опознания», предусматривающих возможность проведения опознания по видеоматериалам при невозможности предъявления лица, способствует реализации не используемого в настоящее время потенциала рассматриваемого следственного действия, а также позитивно отразится на возможности достижения истины по уголовному делу при раскрытии и расследовании преступлений [2, с. 39].

Литература

1. Ильин Н.Н. Предъявление лица для опознания по видеоизображениям: тактические особенности // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 2. С. 75-82.
2. Логачев К.К. К вопросу о возможности проведения опознания по видеоматериалам // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2022. № 2 (43). С. 38-39.

А.А. Лукьянова

Барнаульский юридический институт МВД России

ОГРАНИЧЕНИЕ СВОБОДЫ И ЛИЧНОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: К ВОПРОСУ О ЗАЧЕТЕ СРОКА

Вопрос соотношения частных и публичных интересов традиционно является поводом для оживленной научной дискуссии специалистов в области публичного права. Противопоставляя государство и личность, оппоненты стремятся достичь необходимого баланса, с тем чтобы обеспечить гибкость правового регулирования в усло-

виях определяющего значения и доминирования публичности и безусловного признания человека, его прав и свобод в качестве высшей ценности.

Право на свободу и личную неприкосновенность в теоретико-правовом смысле является ключевым элементом общеправового статуса личности, а своеобразие его реализации заключается

в том, что личность непосредственно пользуется благом, которое неотделимо от нее [2, с. 281-281]. Необходимо отметить, что российский законодатель, следуя национальным правовым традициям, именно на конституционном уровне в числе неотъемлемых декларирует вышеуказанное право (ст. 22 Конституции РФ). Названная дефиниция с учетом своего исторически обусловленного развития устанавливает границы «физического» самоопределения личности и ее индивидуальной автономии, оберегая таким образом от произвольного вмешательства как со стороны других личностей, так и со стороны государства [3].

Сфера уголовной юстиции – одна из государственно-правовых сфер, в которой осуществляется государственная защита прав и свобод (ст. 45 Конституции РФ). Указанный социально необходимый результат оправдывает использование различных средств правового воздействия, предполагающих по своей природе ограничение личности в ее правах и свободах, в т.ч. конституционных, и доходящих в некоторых случаях до степени, близкой к наказанию. Важно, чтобы порядок применения и характер ограничений определялись законодателем не произвольно, а лишь в необходимой мере, разумно и соразмерно, чтобы не оказалось затронутым само существо ограничиваемого права, а человек из равноправного субъекта публично-правовых отношений не превращался в объект государственной деятельности [9]. Вполне очевидно, что без права государства на принуждение, как определено в очерках мировой истории уголовного процесса, нередко не представлялось бы возможным само правосудие, для целей которого указанное принуждение и необходимо [10, с. 305].

Меры уголовно-процессуального воздействия, в ходе применения которых гражданин претерпевает ограничение гарантированного ст. 22 Конституции РФ права, в первую очередь тем или иным образом связаны с изоляцией от общества (задержание, заключение под стражу, домашний арест, запрет определенных действий и др.). Необходимо учитывать, что Конституция РФ устанавливает единые гарантии защиты рассматриваемого права во всех сферах публичных правоотношений, в которых реализуется правоограничение. Действие указанного принципа определяет существующий правовой подход, согласно которому при исчислении срока лишения свободы используется единый временной масштаб [8] независимо от того, применяется оно (лишение свободы) в качестве предварительной процессуальной меры или наказания.

Более того, чтобы избежать избыточного ограничения прав и свобод применением государ-

ственного принуждения в целом, каждая используемая уголовно-процессуальная мера должна соотноситься с последующей мерой уголовно-правового принуждения [5, 6, 7]. Данный правовой стандарт, к примеру, нашел отражение в запрете задержания по подозрению в совершении преступления, за которое не может быть назначено наказание в виде лишения свободы, зависимости решения об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу от размера наказания (лишения свободы на срок свыше трех лет).

На первый взгляд, как следует из содержания ст. 72 УК РФ, в срок наказания засчитывается лишь время содержания под стражей до вступления приговора в законную силу и время нахождения под домашним арестом. Однако в нормах уголовно-процессуального права имеются основания включения в срок содержания под стражей, а следовательно, и зачета в срок наказания: времени, на которое лицо было задержано; времени действия запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ; времени принудительного нахождения в медицинской организации; времени нахождения под стражей в целях обеспечения возможности выдачи лица иностранному государству или РФ. Справедливо пишет по этому поводу В.В. Николук, указывая на ситуацию законодательной неопределенности, созданную в результате искусственного придания уголовно-процессуального характера вопросу об исчислении срока наказания, который имеет уголовно-правовую природу и входит в предмет правового регулирования уголовного закона [4].

Безусловно, одним из важнейших вопросов для осужденного является вопрос исчисления срока уголовного наказания и зачета в этот срок времени нахождения под действием ограничивающих права и свободы предварительных процессуальных мер. От решения указанного вопроса во многом зависит судьба человека и его последующие годы жизни. Поэтому в том случае, когда лицо подвергается изоляции от общества, правоприменителю необходимо принимать во внимание всякие уголовно-процессуальные ограничения, в т.ч. не всегда тождественные тюремному заключению в традиционном его значении. Важно учитывать, что в ходе уголовного судопроизводства к лицу, избобличаемому в совершении преступления, применим внушительный арсенал средств воздействия, предполагающий изоляцию от внешнего мира. Здесь следует вести речь не только о вышеперечисленных автором принудительных процедурах, но и, к примеру, о принудительном нахождении несовершеннолетнего лица в специальном учебно-воспитательном учреж-

дении закрытого типа в случае отмены судебного решения, осуждения и назначения наказания, принудительного пребывания лица в период производства судебной экспертизы в медицинской организации и пр. Более того, процессуалисты (профессор О.И. Цоколова) предлагают определить в законе порядок зачета при назначении наказания и времени нахождения под подпиской о невыезде [11].

При этом в основе зачета в срок наказания определенного периода должно находиться сопоставление характера применяемых уголовно-правовых и предшествовавших тому процессу-

альных ограничений, с тем чтобы не допустить избыточного правоограничения. Законодатель в той же мере, следуя принципу справедливости и равенства, использует дифференцированный подход к зачету срока ограничений в срок наказания, о чем справедливо пишут О.И. Андреева, А.А. Рукавишникова и М.К. Свиридов [1]. Именно такой универсальный подход к конструированию правил исчисления сроков наказания может гарантировать не только достижение исправительного воздействия на осужденного, но и реализацию принципа справедливости при назначении наказания.

Литература

1. Андреева О.И., Рукавишникова А.А., Свиридов М.К. Правовая неопределенность норм о зачете срока запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в срок наказания: проблемы правоприменения и пути решения // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 191-196.
2. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. 448 с.
3. Лукьянова А.А. Допустимость ограничения свободы и личной неприкосновенности на досудебных этапах уголовного процесса: постановка проблемы // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 119-124.
4. Николук В.В. Новые правила зачета в срок наказания времени содержания лица под стражей, изоляции от общества при применении мер пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4 (87). С. 112-121.
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Золотушников Игоря Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 72 и 79 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 № 212-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кузнецова Вениамина Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 72 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 26.11.2018 № 2845-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петермана Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктами «а», «б» части третьей 1 статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2018 № 3377-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 130 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Л. Верещака, В.М. Гладкова, И.В. Гольшева и К.П. Данилова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2003 № 1-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. По делу о проверке конституционности части 3.1 статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Г.А. Алексева [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 15.03.2023 № 8-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. 3-е изд. СПб.: Сенатская типография, 1910. Т. 2. 573 с.
11. Цоколова О.И. Подписка о невыезде и надлежащем поведении как ограничение прав личности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 1. С. 6-9.